

А. М. ЩЕРБАК

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ¹

1

Понятие грамматической формы для тюркских языков несколько отличается от традиционных представлений о грамматической форме и, как правило, ставится в связь с понятием агглютинации — особого приема морфологического конструирования слова.

Сущность агглютинации и ее своеобразие по сравнению с грамматическими приемами флективных языков не всегда рассматриваются в одном и том же плане. Поэтому единое, четко установленное и общепризнанное определение агглютинации отсутствует. Отсутствует также и четкое определение различий между флексией и агглютинативным показателем — прилепой.

Не считая целесообразным излагать различные точки зрения², отметим, что, несмотря на отсутствие единого определения агглютинации, существует довольно широкая основа для сближения по данному вопросу почти всех языковедов. Эту основу создает признание полного или относительного соответствия в агглютинативных языках количества грамматических показателей количеству грамматических значений.

Соответствие, о котором здесь идет речь, каким бы оно ни было в смысле регулярности, придает лексической структуре слова видимость синтаксического сочетания, с четко разграниченными местом, функцией и значением каждого члена. Так, например, в слове *ташларымдагылар* (татарск.) «находящиеся на моих камнях» можно выделить основу *таш* «камень», *-лар* — показатель множественного числа, *-ым* — показатель притяжательности 1-го лица ед. числа, *-да* — показатель местно-временного падежа, *-гы* — словообразовательный аффикс прилагательных, *-лар* — снова показатель множественного числа; в слове *йиғлаштирадиганлардай* (узб.) «как те, которые заставляют [кого-то] плакать» можно выделить: *йиғ* «плач» (ср. *йиғи-сиғи*), *-ла* — словообразовательный аффикс глагола, *-и* — показатель взаимно-совместного «залога», *-тир* — показатель по-

¹ В статье рассматриваются агглютинация и так называемая «флексия основ», в частности, их роль и соотношение в морфологической структуре тюркских языков.

² По этому вопросу см.: О. Бетлинг, О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания, «Уч. зап. Имп. Акад. наук по Первому и Третьему отд-ниям», т. I, вып. 4, СПб., 1853, стр. 377—411; W. Radloff, Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türkssprachen, «Зап. Имп. Акад. наук», VIII серия по Ист.-филол. отд-нию, т. VII, № 7, СПб., 1906, стр. 1 и сл.; А. К. Боровков, Агглютинация и флексия в тюркских языках, сб. «Памяти акад. Л. В. Щербы (1880—1944)», [Л.], 1951, стр. 117—125; А. А. Холодович, Из истории японской лингвистики. Агглютинативная теория и проблема родственных связей японского языка, ИАН ОЛЯ, 1941, № 1, стр. 94—98; его же, Очерки по строю японского языка. Автореф. докт. диссерт. [Л., 1949], стр. 2—4.

нудительного «залога», *-а* — окончание «деепричастной» формы настоящего времени, *-диган* — показатель причастия настоящего времени, *-лар* — показатель множественного числа, *-дай* — показатель уподобления.

Различие флективных и агглютинативных форм в структурном отношении, а их показателей — в семантико-функциональном отношении послужило основанием для утверждения о том, что способы выражения грамматического значения в флективных и агглютинативных языках различны¹. Раздельность агглютинативных показателей и кажущаяся близость лексической структуры слова в агглютинативных языках к синтаксическим сочетаниям были восприняты и истолкованы некоторыми исследователями как способ выражения грамматического значения самостоятельными словами или даже как отсутствие грамматической формы слова вообще (Г. Штейнталь). Однако еще О. Бетлинг на довольно большом количестве примеров показал несостоятельность этой точки зрения и отметил, что различие между формообразованием в индоевропейских языках, с одной стороны, и в тюркских, с другой, заключается главным образом в степени древности формообразовательных процессов².

Указывая на ошибку тех исследователей, которые придерживаются мнения, что в агглютинативных языках только в отдельных случаях грамматическое значение выражается не самостоятельными словами, и О. Бетлинг, и другие лингвисты прошлого столетия тем не менее единодушно признают источником развития агглютинативного показателя (прилепы) самостоятельное слово³. Мысль о развитии агглютинативных показателей из самостоятельных слов не вызывает никаких сомнений вплоть до настоящего времени.

Возникновение нового грамматического значения, а также появление новой грамматической формы слова тесно связываются с выделением в лексическом составе языка отдельных слов, обладающих высокой степенью обобщенности семантики, и с образованием различных сочетаний, представляющих собой изолированные, замкнутые системы, и, прежде всего, таких сочетаний, в которых в качестве подчиненного члена выступает служебное слово: вспомогательный глагол, послелог и т. д.⁴

¹ Так, например, Фр. Шлегель выделяет два способа выражения грамматических значений: органический (под которым он понимает внутреннее изменение звуков корня) и механический (изменение путем наращения, присоединения к основе приклеиваемых частей). См. Fr. Schlegel, Ueber die Sprache und Weisheit der Indier, Heidelberg, 1808, стр. 41—42.

² См. О. Бетлинг, указ. соч., стр. 409—410.

³ См.: О. Бетлинг, указ. соч., стр. 380; Б. Дельбрюк. Введение в изучение языка, в кн.: С. К. Булич, Очерк истории языкознания в России т. I (XIII в.— 1825 г.), СПб., 1904, стр. 88—116.

⁴ В числе сочетаний, имеющих все условия для превращения в грамматическую форму основного по своей семантике слова, иногда называют разного рода устойчивые сочетания, как-то: определительные (*composita determinativa*), например, узб. *эркак қўй* «баран» (*эркак* «мужчина, самец», *қўй* «овца»), *урғочи арслон* «львица» (*урғочи* «самка», *арслон* «лев»); слова-дубликаты (*mots échos*), ср. *ахсак-бухсак* «всякие хромые» (МК, I, 465), башк. *қағ-мағ* «всякие гуси», *сәй-мәй* «чай и все относящееся к чаепитию»; редупликативные формы, например, узб. *қон-қора* «совершенно черный», *қил-қизил* «совершенно красный»; лексический инклюзив (*composita copulativa*), например, башк. *ағай-эне* «братья» (*ағай* «старший брат», *эне* «младший брат»), *аяк-кул* «ценности» (*аяк* «нога», *кул* «рука»), *алтын-көмөш* «драгоценности» (*алтын* «золото», *көмөш* «серебро»), узб. *ота она* «родители» (*ота* «отец», *она* «мать»); парные слова синонимического типа (*synonym-composita*), ср. др.-тюрк. *сәйт муңак* «печаль» (KB, 19), башк. *дус-иш* «друзья», *күй-җарык* «овцы» и т. д.

В статье приняты следующие сокращения:

МК (I—III) — [M a h m u d K a ş g a r ı], „Divanü lûgat-it-türk“tercümesi“; çeviren B. Atalay, cilt I—III, Ankara, 1939—1941;

Примером развития грамматического показателя (прилепы) из служебного слова могут служить турецкий комитатив на -*ла*, -*lä* (после согласных), восходящий к послелогу *ilä*¹; чувашский супин на -*машкăн*, -*мешкĕн* (ср. диал. -*макшăн*, -*мекшĕн*), образовавшийся путем присоединения к тюркскому инфинитиву на -*мак*, -*мăк* послелога *öçön* в соответствующей чувашской фонетической форме²; глагольная форма настоящего времени данного момента в диалектах узбекского языка (ср. ташк. *bärwāt mān* «я иду сейчас», *kälwāt mān* «я прихожу сейчас»; наманг. *bāruttīmān*, *kälüttīmān*; андж. *bār(a)japmān*, *käl(ä)japmān*; самарк. *boropl mān*, *kälöpl mān*), в составе показателя которой нетрудно обнаружить вспомогательный глагол *jat* [*jöbmān*] (1-е лицо ед. числа настоящего результитивного от *jat*- «лежать»), и т. д.

В качестве примеров образования форманта путем слияния знаменательного или служебного слова, попавшего в сферу действия формообразования, с ранее существовавшим морфологическим показателем, приведем аффикс -*даш*, -*dāsh*, который в составе имен выражает во всех тюркских языках значение совместности, сопутствия [ср. МК, I, 407: *karīn-dāsh* «родственник», «брат» (*karīn* «чрево, живот»), *ēmikdāsh* «молочный брат» (*ēmik* «сосок»)] и в котором этимологически выделяют -*да*, -*dā* — аффикс местного падежа и *āsh* «товарищ, спутник»³; форму прошедшего результитивного из южно-хорезмского диалекта узбекского языка [ср. *барпади* < *барпн* *ēdi* «шел (уже)», *э'елвэди* < *э'елн* *ēdi* «пришел (уже)»] и др.

Разбор приведенных выше примеров показывает, что при образовании показателя грамматической формы из служебных и в конечном итоге из самостоятельных слов происходят разные структурные изменения, направленные к тому, чтобы затенить этимологические связи и устранить семантические основы конкретности и индивидуальности служебных морфем. Особое значение в этом процессе превращения знаменательных и полужнаменательных слов в показатели грамматического значения приобретает гармония гласных. Так, например, послелог *ile* в турецком языке обычно не подчиняется закону сингармонии гласных; в случае же, когда слово, к которому относится этот послелог, оканчивается на согласный, *ile* превращается в *le* и присоединяется к данному слову, в таком виде уже изменяясь согласно законам гармонии⁴. Дополнительным фактором, стимулирующим изменение служебных слов или форм, образованных из самостоятельных слов, является структурная аналогия (изосиллабизм); ср. в узбекском языке: по аналогии с *bārarmān*, *bāramān*, *bāripmān* (т. е. с формами будущего времени, настояще-будущего и настояще-

KB — „Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bālasagun“, Theil II—Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo, hrsg. von Dr. W. Radloff, St.-Petersburg, 1910;

Тіш. — Тішаствустик. Ein in türkischer Sprache bearb. buddhistisches Sūtra, I — Transcription und Übersetzung von W. Radloff. („Bibliotheca Buddhica, XII“), St.-Petersbourg, 1910;

«Сирадж ул-кулуб» — фотокопия уйгурской рукописи, хранящаяся в библиотеке Института языкознания в Ленинграде;

USp. — W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov hrsg., Leningrad, 1928.

Арабские цифры обозначают страницы.

¹ См. J. Deny, Grammaire de la langue turque. (Dialecte osmanli), Paris, 1921, стр. 585.

² См. В. Г. Егоров, Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. I, Чебоксары, 1954, стр. 42.

³ Изложение гипотез относительно образования этого аффикса см.: Н. Остроумов, Этимология сартовского языка, Ташкент, 1910, стр. 49; J. Németh, A Turkish word in Curtius Rufus?, «Hirth anniversary volume», London, 1923, стр. 276; W. Radloff, указ. соч., стр. 31.

⁴ См. J. Deny, указ. соч., стр. 585.

го результативного) возникло *bārjaṃmān* < *bārajaṃmān* < *bāra-jatībmaṃn* (форма настоящего времени данного момента). Действие структурной аналогии в тюркских языках можно наблюдать также на истории развития уподобительных форм. В западных языках форма уподобления образуется при помощи аффиксов *-lai*, *-läi* и *-dai*, *-däi*. В языках восточно-туркестанской группы им соответствует аффикс *-daṣ*, *-däg*. Однако в древнем восточно-туркестанском языке известна также форма уподобления на *-laṣu*, *-läṣu*; см.: *adṣlaṣu jürür kiṣigä* «словно медведь идет на человека» (КВ, 64); *käñizläṣu aktimiz* «мы мчались подобно бурным ручьям» (МК, I, 343); *ulñiṣb äran börläṣu* «завыли люди словно волки» (МК, I, 189). Этимология данного показателя уподобления совершенно прозрачна: аффикс *-la* является средством отыменного образования глагола, аффикс *-ju* — признака деепричастия. Совокупность этих двух морфологических наращения и дала аффикс *-laṣu*, так что первоначально, например, *adṣlaṣu* имело значение «омедвеживаясь». Однако, став в один ряд с другими способами выражения сравнительной характеристики факта, указанное сложное морфологическое образование проявляет тенденцию к чисто формальным изменениям, стимулом для которых служит структурная аналогия (ср. аффиксы уподобления *-daṣ*, *-däg*, *-dai*, *-däi* и *-ciṣ*, *-ciḡ*).

Структурная аналогия, таким образом, усиливает типизацию зависимых морфем. Приведенные выше материалы показывают, что процесс развития структуры изолированного сочетания в тюркских языках, в ходе которого зависимый член изменяется и превращается в морфему, характеризуется наличием по крайней мере двух моментов: во-первых, тенденции к усложнению господствующего в семантическом отношении слова (корня) при относительном постоянстве его; во-вторых, увеличения до максимума способности зависимого члена, превратившегося в морфему, к структурным изменениям, которые в конце концов ведут к сокращению морфемы до одного слога или одного звука¹. Из сказанного следует, что образование агглютинативного показателя (прилепы) со всеми структурными изменениями его является следствием изоляции слова и вовлечения его в семантико-синтаксическую структуру того или иного разряда слов. В этой связи приобретает особый смысл замечание А. А. Потебни о том, что «фонетическая порча разрушает только то, что ей позволяют разрушать»².

2

Языковеды, занимающиеся изучением языков агглютинативного типа и, в частности, языков алтайской семьи, указывают на наличие в этих языках, помимо агглютинативного способа выражения грамматического значения, еще и способа, именуемого «флексией основ», «внутренней флексией» или «фонетическим способом образования слов»³. В этом случае

¹ Говоря о развитии моносиллабизма в морфеме, мы не расцениваем его как явление, присущее только морфологической части слова. В истории тюркских языков известно немало примеров, когда основы, состоящие из нескольких слогов, постепенно превращались в односложные. Именно это обстоятельство дало основание А. К. Боровкову заявить, что в тюркских языках «о неизменности основы можно говорить только в смысле тенденции к сохранению корневого вокализма» (А. К. Боровков, указ. соч., стр. 121).

² А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I, 2-е изд., Харьков, 1888, стр. 47.

³ Впервые изменения гласных в основе были отмечены В. Шоттом (см. W. Schott, Über das Altai'sche oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht, Berlin, 1849, стр. 45, 46) и И. Грунцелем (см. J. Grunzel, Entwurf einer vergl. Grammatik der Altaischen Sprachen nebst einem vergl. Wörterbuch, Leipzig, 1895, стр. 21, 22).

они имеют в виду чередования типа эвенк. *атиркән* «старуха»//*этиркән* «старик», *атки* «свекровь», «теща»//*эткй* «свекор», «тесть», *акин* «старший брат», «младший брат отца, матери»//*экин* «старшая сестра», «младшая сестра отца, матери»¹; маньчж. *хаха* «мужчина»//*хэхэ* «женщина», *амила* «самец»//*эмилэ* «самка», *ама* «отец»//*эмэ* «мать», *арсалань* «лев»//*эрсэлэнь* «львица»² халх.-монг. *ааджи* «дядя»//*ээджи* «бабушка», монг.-письм. *abai* «отец, батюшка»//*ebei* «матушка», *аха* «старший брат, старший вообще»//*еке* «мать, старшая вообще»³.

Явление «флексии основ» или «внутренней флексии» отмечается как средство обозначения «рода» (точнее сказать пола)⁴ и других грамматических значений, а также как средство изменения социальной, лексической и стилистической окраски слова.

В современных тюркских языках случаи так называемой внутренней флексии немногочисленны, тем не менее они примечательны и в совокупности составляют особую группу. Примеры: башк. *кайны* «свекор», «тесть»//*кәйнэ* «теща», *бысыу* «пилить, рубить»//*бесөү* «кроить, резать», *сукуу* «клевать»//*сүкөү* «клепать, ковать», *һыпырыу* «гладить»//*һеперөү* «мести, подметать», *һылтау* «сваливать»//*һелтәү* «махать, махнуть», *һолон* «жеребенок»//*көлөкәй* «жеребенок», *бызау* «теленок»//*бөзәүкәй* «теленочек»⁵; татарск. *ачы* «горький»//*эче* «кислый»⁶, *ана* «мать»//*әни* «мама» (ласкат.), *ата* «отец»//*әти* «папа»; узб. *ақа* «старший брат», *уқа* «младший брат»//*ақә* «старшая сестра» (МК, I, 86, 90). В ряде случаев явление «внутренней флексии» сочетается с приемами повторения основы и существует только в связи с этими приемами; ср. башк. *тимер-тумыр* «всякое железо»⁷, *jäm jŷi* = *jäm mŷi* «всякая зелень» (МК, III, 4), *jämŷil jŷiŷj* = *jämŷil mŷiŷil* «всякое зеленое» (МК, III, 19).

Говоря о происхождении указанных пар слов, необходимо разграничивать примеры типа *ата*//*әти* (татарск.) и *тимер-тумыр* (башк.). В последних (как и в дублетных сочетаниях вообще) имеет место произвольное изменение слова, часто без связи с существующими в языке типами сингармонических противопоставлений.

Различение же случаев типа *ата* и *әти* лежит исключительно в плоскости палатально-велярной гармонии гласных⁸, явления, заключающегося

¹ В. И. Цинциус, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949, стр. 44.

² И. Захаров, Грамматика маньчжурского языка, СПб., 1879, стр. 65, 118.

³ См.: Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика, Л., 1929, стр. 130; Т. А. Бертагаев, Флексия основ в агглютинативных языках, «Сб. трудов по филологии», вып. I, Улан-Удэ, 1948, стр. 99.

⁴ Б. Я. Владимирцов указывает: «К заднему гуттуральному ряду монголы относили и отчасти относят теперь все сильное, большое, мужское, а к переднему — палатальному все слабое, малое, женское, так же, как и относящиеся к этим двум родам действия» («Сравнительная грамматика...», стр. 133—134; см. также стр. 127, 130); см. его же, Следы грамматического рода в монгольском языке, «Докл. Росс. Акад. наук», Серия В, Л., 1925, апрель—июнь, стр. 34.

⁵ Д. Г. Кнекбаев, Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы, в башкирском языке, «Уч. зап. Башк. гос. пед. ин-та», вып. V, Серия филологическая, № 1, Уфа, 1955, стр. 145, 146.

⁶ Л. З. Залая, Основы татарской орфоэпии, «Изв. АПН РСФСР», вып. 40, М., 1952, стр. 95.

⁷ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 77.

⁸ В новейших исследованиях под влиянием работ Н. С. Трубецкого (см. N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 7, 1939, стр. 251) в понятия «гармония гласных» и «сингармонизм» вкладывается разное содержание.

в том, что каждое слово характеризуется наличием только передних или только задних звуков, а вокализм присоединяемых аффиксов всецело зависит от вокализма основы. Гармония гласных не исчерпывается уподоблением твердых гласных твердым и мягких гласных мягким¹, однако следует отметить, что все другие виды гармонии гласных играют в тюркских языках второстепенную роль по сравнению с палатально-велярной гармонией.

То обстоятельство, что различие форм типа *ата* и *эти* лежит в плоскости палатально-велярной гармонии гласных, обычно вызывает повышенный интерес к природе этого последнего явления и способствует распространению среди некоторых алтаистов той точки зрения, что будто бы наличие в алтайских языках сингармонических параллелизмов, имеющих разные значения, является пережитком эпохи, когда гармония гласных выступала как «лексико-фонологическая система», т. е. «своеобразная и специфическая внутренняя флексия основ»². Считая сингармонизм наиболее ранним и примитивным способом выражения грамматического значения, Г. Д. Санжеев противопоставляет его агглютинации как способу наиболее позднему и совершенному³.

Развивая эту точку зрения, Г. Д. Санжеев ссылается на труды выдающегося русского алтаиста акад. Б. Я. Владимирцова и, в частности, на его высказывание о том, что в халхаском языке «такие параллели, как *аххā* «старший, старший брат»//*еххē* «старшая, мать», сохранились от праязыкового состояния, когда при помощи сингармонизма монгольский язык производил различие по родам»⁴. Следует отметить, однако, что под праязыковым состоянием Б. Я. Владимирцов понимает только монгольский праязык; кроме того, здесь же и в следующих параграфах он указывает на «социальную причину» подобного использования сингармонических параллелизмов в монгольском языке (ср. разделение звуков на «мужские» и «женские») ⁵. Г. Д. Санжеев ссылается также на работы Т. А. Бертагаева. В самом деле, Т. А. Бертагаев в своей статье «Флексия основ в агглютинативных языках» говорит о флексии основ в монгольских и тюркских языках и приводит значительное число примеров «дифференциации звуков по признакам рода»⁶. Однако в этой же самой статье Т. А. Бертагаева имеется специальный раздел, посвященный неустойчивости фонетической нормы монгольских языков и, в частности, вокализма не первых слогов. И хотя в одном месте Т. А. Бертагаев говорит об «изменении фонем в зависимости от значимости слов», все-таки дальше он признает, что семантическая филиация предполагает в качестве одного из условий образования новых слов вариантность звучания⁷.

Оставляя в стороне большой и сложный вопрос о гармонии гласных вообще, отметим, что рассмотрение таких соотношений, как татарск. *ата* «отец»//*эти* «папа», в связи с использованием в алтайском праязыке гар-

¹ Подробное изложение разных точек зрения по вопросу о гармонии гласных см. у И. Грунцеля (J. Grunzel, Die Vocalharmonie der altaischen Sprachen, «Sitzungsberichte der philos.-hist. Cl. der Kaiserl. Akad. der Wissenschaften», Bd. 117, Jg. 1888, III. Abhandl., Wien, 1889, стр. 1—42) и И. Крамского (J. Krámský, Über den Ursprung und die Funktion der Vokalharmonie in den uralaltaischen Sprachen, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 106, Heft 1, N. F.—Bd. 31, Wiesbaden, 1956, стр. 117—134).

² См. Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1953, стр. 116.

³ См. там же, стр. 118.

⁴ Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика..., стр. 133.

⁵ См. там же, стр. 133, 134.

⁶ Т. А. Бертагаев, указ. соч., стр. 98 и сл.

⁷ См. там же, стр. 99 и 114.

монии гласных в качестве приема словообразования вряд ли можно считать достаточно обоснованным.

Важно отметить, что при наличии гармонии гласных в тюркских языках существует большое количество слов, выступающих в двух сингармонических вариациях — твердой и мягкой, но передающих одно и то же значение (И. Балашпа называет такие слова «сингармоническими параллелизмами», Д. Г. Киекбаев — «вариантными словами»). Подобные слова встречаются как внутри языка и его диалектов (ср. башк. *асы* и *эсе* «горький, кислый», *аз* и *эз* «мало», *акрын* и *экрен* «тихий», *һалмак* и *һәлмәк* «увесистый», *йалбырау* и *елберәү* «торчат», *йан* и *йән* «душа»¹; казахск. *чай* и *чәй* «чай», *тыйын* и *тиін* «белка»; туркм. *айтты* и *әйтти* «сказал»), так и внутри разных языков (ср. башк. *байрам*, татарск. *бәйрәм* «праздник»; башк. *айран*, татарск. *әйрән* «айран»; башк. *кәңәш*, чув. *канах* «совет»; башк. *йәш*, кирг. *жаш* «молодой»; башк. *бәйләнеш*, казахск. *байланыс* «связь»; башк. *йөн*, татарск. *йон* «шерсть»; башк. *йәбештерәү*, татарск. *ябыштыру* «клеить»²; чув. *хёрлэ*, татарск. *кызыл* «красный»; чув. *хёсёр*, узб. *қисир* «яловая»; чув. *семсе*, татарск. *йомшак* «мягкий», чув. *чёрне*, туркм. *дырнак* «ноготь»; чув. *алак*, башк. *ишек* «дверь»; чув. *кәнтәр*, татарск. *көндөз* «днем»³; тур. *jeşil*, казахск. *жасыл* «зеленый»; туркм. *өкүз*, якут. *оҕус* «бык»), или же являются фактом диахронического порядка (например, *пйшмак* «созревать» (Tiš., 50a), *пйшйз* «вареное» (МК, III, 321), ср. татарск. *пешерелгән* «варенный»; *тйльз* «язык» (вин. пад.) (КВ, 93), ср. татарск. *телгә* «языку»; *узук* «кольцо» («Сирадж ул-кулуб», 112б), ср. *үзүк* (там же, 35б), узб. *узук*; *итйльз* «собачий» (МК, I, 98), ср. татарск. *этлек* «наглость»; *йш* «дело», (USp., словарь-указатель, 305), *ишкә* (там же, 14) и т. д.).

Ср. в монгольском языке, например, монг.-писъм. *йү ~ иү* // *lig* «прядильное веретено», *bičixan* // *bičiken* «маленький», *busuruγ* // *büsürüg* «красноватая сыпь», *moritaxu* // *mörilekü* «отправляться», *čangkir* // *čengkir* «беловатый, синевато-беловатый» и т. д.⁴

Неустойчивость звукового состава в слове является чертой, присущей в той или иной мере всем современным тюркским языкам. В древности она была характерна для большого количества слов; возможно, что некоторые слова, различающиеся в современных тюркских языках типом сингармонизма (мягкостью или твердостью; значительно реже — наличием лабиализованных и нелабиализованных гласных)⁵, обязаны своим существованием, с чисто формальной стороны, именно этой неустойчивости.

Нет необходимости доказывать, что неустойчивость качества гласных в смысле мягкости или твердости находится в прямой зависимости от возможности перехода слова по характеру его вокализма от одного ряда к другому (т. е. от твердого ряда к мягкому; обратный переход чрезвычайно редок).

Указанный переход давно интересовал тюркологов и, по мнению В. Банга, представляет самое запутанное явление во всей языковой ис-

¹ Д. Г. Киекбаев, указ. соч., стр. 143.

² Там же, стр. 144. См. также Н. К. Дмитриев, Чередование гласных заднего и переднего ряда в одном и том же корне отдельных тюркских языков, в кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I — Фонетика, М., 1955, стр. 115.

³ См. В. Г. Егоров, указ. соч., стр. 168, 169.

⁴ См. Б. Я. Владимиров, Сравнительная грамматика..., стр. 127, 128.

⁵ Примеры слов этого рода см.: Л. Н. Харитонов, Современный якутский язык, ч. I — Фонетика и морфология, Якутск, 1947, стр. 80; Н. А. Баскаков, Уйгурский вокализм, в кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I, стр. 119—121.

тории тюрк¹. В. В. Радлов сравнивает его с немецким умлаутом и объясняет как результат воздействия вокализма на первых слогах на вокализм начальной части слова². Аналогичное объяснение указанному явлению в современных уйгурских наречиях Восточного Туркестана дает Г. Ярринг, отмечающий, что все случаи палатализации или сужения в них широких гласных связаны с наличием в смежных или, точнее, последующих слогах гласного *i(i)*³. В односложных словах палатализация *a*, как полагает Б. Мункачи, объясняется наличием анлаутного *j*, например, *jäl* (< *jäl*) «грива», *jäu* (< *jäu*) «возраст», *jäu* (< *jäu*) «слеза», *jät* (< *jät*) «чужой»⁴. Такого же мнения по вопросу о палатализации *y* и *a* в койбальском языке придерживается Л. Адам⁵.

И точка зрения В. В. Радлова, и точка зрения Б. Мункачи представляются нам вполне справедливыми. Нетрудно согласиться с тем, что воздействие *i* (< *i*) и *j* на качество гласных и согласных звуков в слове чрезвычайно велико. Неслучайно звук *i* (< *i*) многими исследователями финно-угорских и алтайских языков ставится вне сингармонизма и характеризуется как разрушитель его системы.

К этому необходимо добавить следующее. Тот факт, что переход гласных от одного ряда к другому почти во всех случаях происходит в виде превращения слов с твердым вокализмом в слова с мягкими, или палатальными гласными (но не наоборот)⁶, свидетельствует о связи рассматриваемого нами перехода с общей эволюцией звуков. Все звуки тюркских языков на протяжении большого периода времени эволюционировали в направлении опереднения артикуляции. Естественно, что в наибольшей мере и раньше всех оказался подверженным этому процессу гласный *i*. Поэтому возможность образования «мягкой» разновидности слова при параллельном употреблении его в «твердом» варианте или замене им «твердого» варианта является не только следствием влияния *i* или *j*, но и результатом соответствующего развития фонетической системы тюркских языков в целом.

Появление «мягкого» варианта не обязательно ведет к исчезновению «твердого». «Твердый» вариант может существовать и обычно существует наравне с «мягким»⁷. Большое количество примеров такого сосущество-

¹ W. B a n g, Zum Vokalismus, в кн.: W. Bang und J. Marquart, Osttürkische Dialektstudien, Berlin, 1914, стр. 6. Большое количество примеров такого перехода можно встретить, например, в «Codex Comanicus»: *kıdân* (< *kıdân*) «от девочки», *jñä* (< *jñä*) «еще», *çıbuğı* (< *çıbuğı*) «его прут», *äminä* (< *äminä*) «к его лошади» (см. е г о ж е, Der komanische Marienpsalter nebst seiner Quelle, там же).

² W. R a d l o f f, Phonetik der nördlichen Türksprachen (Vergl. Grammatik der nördlichen Türksprachen, Theil I), Leipzig, 1882, стр. 64, п. 82.

³ См. G. J a r r i n g, Studien zu einer osttürkischen Lautlehre, Lund — Leipzig, 1933, стр. 90—94.

⁴ См. «Keleti szemle», t. XV, Budapest, 1914—1915, стр. 324.

⁵ L. A d a m, De l'harmonie des voyelles dans les langues ouralo-altaïques, Paris, 1874, стр. 50—51.

⁶ Ср. у Д. Г. К и е к б а е в а: «Первичной формой сингармонических параллелизм (или вариантных слов) являются формы с гласными заднего ряда. Вариант с гласными переднего ряда является вторичным образованием...» (указ. соч., стр. 149).

⁷ В этой связи заслуживает особого внимания вопрос о некоторых особенностях тюркского вокализма, например, о строгом делении гласных на два ряда: твердый (*a, o, y, i*) и мягкий (*ä, ö, ü, i*); о соотношении в праоснове «твердости» и «мягкости» гласных (т. е. вопрос о первичности более задней или более передней артикуляции). Уже сейчас есть основания предполагать, что различию твердых и мягких гласных в древности предшествовало различие всех согласных по мягкости и твердости (ср. *p* и *p'*, *m* и *m'*, *k* и *k'*, *l* и *l'* и т. д.), которое нашло свое наиболее полное отражение в системе рунического письма и частично сохраняется в настоящее время. (См. G. J. R a m s t e d t, Die Palatalisation in den altaischen Sprachen, «Suomalaisen Tiedeakatemia Toimituksia», Ser. B. t. XXVII, Helsinki, 1932, стр. 247 и сл.).

вания приведено нами выше. Наличие двух фонетических вариантов одного и того же слова с одним и тем же значением создает почву для изыскания дополнительных возможностей выражения новых лексических и грамматических значений. Если, например, в башкирском языке *асы* и *эсе* не различаются по значению («горький»), то в татарском языке такое различие уже имеет место: *ачы* «горький», *эче* «кислый»¹. Таким образом, сингармонизм, будучи чисто фонетическим явлением (при возникновении вариантных слов противопоставление твердости и мягкости не имело фонологического значения), впоследствии приобретает видимость фонологической или лексико-фонологической системы.

Одним из доказательств того, что различение значений в плане сингармонии не связано с использованием ее как фонологической или лексико-фонологической системы, является характер тех значений, которые выражает обычно вариантная форма. Как правило, это оттенки основных значений. Важно отметить и другое. Если бы существование так называемой внутренней флексии было обусловлено использованием гармонии гласных как лексико-фонологической системы, были бы известны (и в большом количестве) примеры образования не только «мягких» вариантов параллельно «твердым», но и «твердых» параллельно «мягким»².

На основании всего изложенного выше можно прийти к выводу, что так называемая флексия основ в тюркских языках является следствием определенных фонетических закономерностей, не имеющих непосредственного отношения к образованию морфологического типа. Она носит характер эпизодического столкновения и противопоставления вариантных слов; эти процессы возникают в условиях тесных диалектных взаимоотношений, взаимовлияний родственных языков и т. д. Поэтому на самом деле «флексия основ» является, как справедливо замечает Н. А. Баскаков (имея в виду, правда, другие случаи), «ложной флексией»³, и противопоставлять ее как способ выражения грамматических значений агглютинации, по меньшей мере, ошибочно. Способ агглютинации следует признать единственным способом выражения грамматических значений как в древних, так и в современных тюркских языках⁴.

¹ См.: Д. Г. К и е к б а е в, указ. соч., стр. 145; Л. З. З а л я й, указ. соч., стр. 95.

² Некоторое количество таких примеров приводит М. Ряснен [см. М. R ä s ä n e n, Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen («Studia Orientalia», XV), Helsinki, 1949, стр. 57—59], однако большинство приведенных им примеров может быть отнесено как раз за счет образования «мягких» вариантов параллельно «твердым»; в некоторых же примерах наблюдается переход мягкого качества от гласных к согласным (ср. в караимском языке: *k'oz'um'da* < *közümdä* «в моих глазах», стр. 59), да и то, как отмечает М. Ряснен, это явление часто приписывают иноязычному влиянию.

³ См. Н. А. Б а с к а к о в, указ. соч., стр. 119.

⁴ Разумеется, мы не принимаем здесь во внимание такие приемы выражения грамматических значений, как, например, ударение, порядок слов и т. д.